БАЙКАЛ

1982 3

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой «Записок», которые редакция предлагает читателям, — ветеран советской милиции Г. А. Трояновский. 35 лет служил он своему нелегкому делу. Немало раскрытых дел на его счету, четыре боевые ордена, одиннадцать медалей, три именных подарка. Не раз стреляли в него бандиты, но пули обходили стороной...

В «Записках» рассказывается лишь о малой доле раскрытых Трояновским преступлений, но в них видится вся его жизнь.

- Эдуард Дроздов
  -
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ВЫБОР
  - Дело первое: «ЗАПОМНИ ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ, ГРИГОРИЙ!»
  - Дело второе: КОМАНДИРОВКА ДЛИНОЮ В ГОД
  - Дело третье: ТАЙНА СОБАЧЬЕЙ КОНУРЫ
  - Дело четвертое: НОЧНЫЕ ГОСТИ
  - Дело пятое: СОВЕСТЬ ЗАГОВОРИЛА
  - Дело шестое: ЖАДНОСТЬ
  - Дело седьмое: УБИЙСТВО НА СТАНЦИИ ЛЬГОВ
  - Дело восьмое: «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК»
  - Дело девятое: ДВОЙНОЕ
  - Дело десятое: ПОСЛЕДНЕЕ

Эдуард Дроздов
«Черный Ворон»
Записки о сотруднике уголовного розыска

ОТ РЕДАКЦИИ

Герой «Записок», которые редакция предлагает читателям, — ветеран советской милиции Г. А. Трояновский. 35 лет служил он своему нелегкому делу. Немало раскрытых дел на его счету, четыре боевые ордена, одиннадцать медалей, три именных подарка. Не раз стреляли в него бандиты, но пули обходили стороной...

Теперь он на заслуженном отдыхе. Но фамилия Трояновских для иркутской милиции по-прежнему «своя» — 25 лет работает здесь его дочь Лидия Григорьевна, классный криминалист. Второй год служит внук, работали здесь его брат, жена, сестра. Династия Трояновских насчитывает 70 лет службы в органах милиции.

В «Записках» рассказывается лишь о малой доле раскрытых Трояновским преступлений, но в них видится вся его жизнь.

Эдуард ДРОЗДОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ВЫБОР

— Прогуляться не хочешь, Григорий?

Бывший воспитанник хозяйственной команды 104-го стрелкового полка, а теперь красноармеец Григорий Трояновский откликнулся на слова отделенного Александра Щукина с готовностью:

— Хочу, дядя Саша. А куда?

— По городу пройдемся, на рынок заглянем...

Через полчаса они уже выходили из ворот казармы.

Шел 1925 год. В Иркутске было неспокойно: то в одном, то в другом месте возникали перестрелки с бандитами, нередко в них принимали участие и красноармейцы, особенно, когда приходилось выезжать на ликвидации банд в районы. Совсем недавно в перестрелке с ними погиб друг Григория Иосиф Лейзин.

«Эх, Ося, Ося! — думал Григорий. — Не дожил до демобилизации. А хотели ведь вместе...»

Они шли со Щукиным по пыльной дороге вниз, к рынку. Дядя Саша обнял молодого друга за плечи:

— Ну, о чем задумался? Небось, о демобилизации?

— Да нет... Осю жаль...

— А-а... Да... Жить бы ему еще да жить... И надо же так: всего один погиб в той операции — Иосиф, самый молодой из нас. Зря мы его с собой-то взяли...

— Тогда другой бы кто-нибудь...

— Ну, мы и не в таких переделках бывали. Большое это дело, паря, — опыт. Где другой не найдет выхода — старый боец всегда выкрутится.

Они замолчали. Григорий продолжал думать о погибшем друге, вспоминал...

Как и Григорий, Иосиф родился в семье политических ссыльных — польских повстанцев — в 1909 году в селе Новая Уда. После февральской революции семьи переехали в Иркутск. А в 1921 году убежали подросшие парнишки из дому, сумели понравиться бойцам и командирам 104 полка 30-й дивизии, стали у них сыновьями полка, воспитанниками при хозвзводе, а когда подошло время, были зачислены рядовыми. Меньше месяца оставалось им служить, подходила демобилизация. И дальше они хотели быть вместе, но жизнь распорядилась по-своему...

Народу на рынке — тьма.

— А вот кому омулька солененького, жирного, посольского! — заливалась тетка.

— Таймень, таймень копченый! — вторил ей басом мужчина.

Александр с Григорием остановились, прикидывая, что же купить. Гриша заметил, как высокий широкоплечий парень прислонился к старику, ловким движением вырезал у него карман. Он толкнул в бок отделенного:

— Глянь, дядя Саша!

И тут же услышал сзади:

— Тихо, братцы! Тихо...

Он оглянулся: рядом сухощавый среднего роста мужчина. Он подмигнул Григорию:

— Никуда не денется, сейчас мы его...

Мужчина шагнул к парню, негромко сказал:

— А ну, руки вверх!

И тут же взметнулась рука с блеснувшей в ней финкой. Красноармейцы бросились было на помощь, но финка уже вылетела из руки вора, а сам он согнулся в скрученных руках.

— Уголовный розыск, — проговорил дядя Саша. — Отчаянные ребята.

Они купили на рынке копченого тайменя и пошли обратно.

— А я, дядя Саша, решил, куда идти после службы: в уголовный розыск.

Щукин глянул на него, с сомнением покачал головой:

— Однако, не возьмут, паря. Молод ты еще.

Гриша упрямо тряхнул головой:

— Ничего, я своего добьюсь! Возьмут!

Вернулся Григорий из управления милиции понурым: не взяли, молод. Но он был упорен. Ходил туда и раз, и другой. Повезло не скоро. Только в 1927 году встретил в коридоре того самого, что брал на рынке вора. Он обрадовался ему, как старому знакомому.

— Здравствуйте! А я вас помню...

Мужчина удивленно посмотрел на Гришу.

— Встречались? Не помню что-то...

— А вы два года назад на рынке вора поймали. Финку еще у него из рук выбили. Мы еще вам помочь предлагали, да вы отказались.

Мужчина усмехнулся:

— Дело привычное... А все же не помню: немало мы за это время разного рода воров повязали. Всех не упомнишь. А ты чего сюда, паренек?

— Устраиваться к вам пришел... Не берут...

— Что так?

— Говорят, лет мне еще мало.

— У нас, брат, моложе двадцати одного года не положено.

Тебе-то сколько?

— Двадцать один... Недавно исполнилось! Я из армии уж два года как демобилизовался.

— Во-о-он что! Служил, значит... Ну, пошли со мной!

Мужчина, который помог ему, был Федор Герасимович Роденков, один из ветеранов иркутской милиции.

Дело первое: «ЗАПОМНИ ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ, ГРИГОРИЙ!»

Матрена Волгина глянула на ходики, тикавшие на стене, ужаснулась:

— Батюшки, почти девять!

Вскочила с постели, быстро оделась, заторопилась в магазин.

Соседскую усадьбу Никитиных пробежала не глядя. И только когда возвращалась домой, обратила внимание: ставни закрыты. Дома сказала мужу:

— Чо-то, Николай, соседи-то наши нынче спят долго. Не заболели ли? Дед Федосей обычно рано встает, а тут, гляди, уже десятый час, а у них все ставни закрыты. Пойду, однако, гляну...

Скоро вернулась ни жива ни мертва, упала на табурет в кухне, прошептала побелевшими губами:

— Господи, что же это, господи!

— Ты чо это, старуха, нечистика встретила по дороге-то? — посмеялся над ней муж.

Матрена повернула к нему бледное лицо, тихо, словно чего-то таясь, прошептала:

— У соседей-то в кухне — кровищи-и... Аж печка кровью забрызгана... И — никого... Подполье открыто.

Дед Николай нахмурился:

— Видать, неладно там, баба. Пойду-ка я гляну...

Возвратился он быстро и тут же заторопился из дому:

— Милиции надо сообщить... А ты запрись-ка, никого не впускай. Не ровен час...

На происшествие Федор Герасимович Роденков взял с собой молодого сотрудника Григория Трояновского: хватит парню в дежурке околачиваться да с бумагами возиться, пусть к настоящему делу привыкает.

Григорий вошел в дом следом за Федором Герасимовичем. Шагнул через порог и... невольно отшатнулся: весь пол в кухне был залит кровью, особенно много ее было у открытого люка подполья. Шедший сзади милиционер подтолкнул Григория:

— Ничего, парень, привыкай.

Роденков обернулся, смерил милиционера злыми глазами.

— Гнать надо из милиции тех, кто привыкает к такому... К этому нельзя привыкнуть... Садись за стол, Гриша, будешь писать.

Григорий осторожно, по стенке, обошел лужу крови, присел на табурет.

Милиционеры достали из подполья один труп, другой, третий... Григорий, склонив голову, писал все, что диктовал ему Роденков. И вдруг Федор Герасимович замолк, Григорий поднял голову и онемел: рядом с трупами пяти взрослых людей лежали два детских: мальчика лет восьми и полугодовалой девчушки с размозженным черепом. В глазах поплыло... Роденков резко окрикнул его:

— Нет, ты смотри! Смотри и запоминай! Понимай, с кем нам приходится иметь дело, кого ловить! Это же не люди... Звери!

...Даже сейчас, спустя тридцать с лишним лет, если приходится Григорию Абрамовичу рассказывать об этом случае, губы его дрожат, голос срывается и рука невольно тянется к карманчику пиджака, где всегда лежит пробирка с нитроглицерином...

Никаких следов преступников в доме не нашли, хотя все было перевернуто вверх дном. Роденков сходил к соседям, выяснил, что сын стариков Никитиных, Сергей, недавно вернулся из Бодайбо.

— Ясно, золото искали... Значит, знал кто-то о приезде парня. Знал и откуда он приехал... Ладно, здесь больше делать нечего, поехали в управление.

Поручение, которое дал Роденков Трояновскому, показалось несложным: ходить по пивным, слушать, что говорят их постоянные посетители.

— Учти, Григорий, внимательность, внимательность и еще раз внимательность! Помочь нам может только это. Кто-то из преступников обязательно проболтается. А это чаще всего случается за выпивкой. В других местах тоже будут наши сотрудники, а пивные — это твой участок. Слушай. Во все уши слушай.

Ходил Григорий день, два, три, неделю... От выпитого пива его уже мутило. Только на десятый день...

— Эх! Провернули мы недавно одно дельце — и впустую. Думали, золотишка возьмем... Только ментов всполошили...

Трояновский незаметно пригляделся к говорившему: молодой парень лет двадцати пяти, с красивым лицом, серыми, почти не мигающими глазами и прядью русых волос, спадающих на лоб из-под кепки. Григорий заметил, что на столе у пьющих еще полно сведи, пива — не меньше дюжины кружек на двоих, и, притворно пошатываясь, вышел из пивной.

На его звонок моментально прибыла оперативная группа во главе с Роденковым. Вошли в пивную.

— Встать! — скомандовал Роденков, подойдя к тем двоим. — Документы!

Не глядя положил документы в карман, указал им стволом

нагана на дверь:

— Пошли...

Белокурым оказался Владислав Ланковский, второй — бывший домушник Селезнев, хорошо известный в уголовном розыске.

— Что, Селезнев, пошел по старой дорожке? — обратился к нему Роденков.

Тот прижал руки к груди, горячо заговорил:

— Век свободы не видать, начальник, завязал я! И к этому делу никаким боком не причастен! Это вот он... — кивнул он на Ланковского, — вместе с Юзефом Шумско-Холмским...

После показаний Селезнева Ланковский запирался недолго, выдал адрес сообщника:

— Это он все, Юзеф! Я только помогал... Не я их... Гражданин начальник, верьте слову! — валил он все на сообщника.

Дома Шумско-Холмского не оказалось, жена Ванда, красивая женщина лет тридцати, рассказала:

— В Черемхово он уехал. К кому — не знаю. Говорил, что дня на три...

Роденков спросил, что делал ее муж в тот день. Ванда ничего не скрывала. В тот вечер выпил Юзеф с Владиславом, предупредил жену, что уйдут они надолго, вернутся поздно ночью, а то и утром. И ушли. Возвратились перед рассветом. Ванда как увидела их, обомлела: руки в крови, бурые пятна на одежде... Быстро разделись, Юзеф приказал жене:

— Одежду сожги немедленно! Чтоб ничего не осталось!

Она беспрекословно выполнила указание мужа...

Жили Шумско-Холмские неподалеку от Никитиных, услышал Юзеф, что вернулся из Бодайбо, из старательской артели, их сын. «Наверняка с золотишком приехал!» План ограбления созрел мгновенно. Ждали только, когда в доме будет как можно меньше народу. В тот злополучный вечер дед Федосей взял под мышку березовый веник и отправился в баню. Вскоре из дому вышел Сергей под руку с женой Валентиной. И тут же в дом кто-то вошел, должно быть, знакомая, Сергей поздоровался с ней.

...Бабка Варвара, увидев у них в руках финки, обомлела. Юзеф кивнул на гостью.

— Это еще кто?

— З-зна-ко-м-мая... — пролепетала бабка Варвара.

Шумско-Холмский подошел к старушке, проговорил:

— Не вовремя по гостям ходишь, старая, ох не вовремя! — и сильно ткнул ее ножом в горло. Та без стона повалилась со скамьи. Юзеф открыл люк подполья, сбросил туда труп, приступил к хозяйке дома.

— На колени, старая карга!

У Варвары подкосились ноги, она опустилась на колени возле раскрытого люка.

— Если не хочешь следом за товаркой отправиться — говори, где золото, что сын из Бодайбо привез!

— Господи, да какое золото! Плохо постарался Серега, кое-как на обратную дорогу-то наскреб!

На ее причитания из соседней комнаты донеслось:

— Ба-а-ба-а!

Юзеф пригрозил бабке, и она молчала. Из комнаты, протирая кулачонками заспанные глаза, босиком, в одной коротенькой рубашке вышел мальчонка. Юзеф бросился к нему...

— И-изверги!! За что мальчонку-то?!!

Во дворе послышался скрип калитки. Юзеф тут же ударил бабку, столкнул в подпол, кивнул Ланковскому, и они вместе выскользнули в сени, притаились по обеим сторонам двери. Возвращался дед Федосей.

Они втащили его в кухню, зажимая рот, поставили на колени туда, где только что стояла его жена. Все повторилось... Но и дед не сказал им, где спрятано золото, тоже твердил, что ничего не привез сын.

Они ждали прихода средних Никитиных. Ланковский засомневался:

— Может, и вправду ничего не привез мужик?

Юзеф хищно прищурился:

— Ну, нет! Чтоб из Бодайбо, да без золотишка! Никогда не поверю... Может, сын втихаря от родителей припрятал золото... Но что нет его — ни за что не поверю!

Сергей с Валентиной пришли поздно. Женщина прошла во двор, а он поднялся на крыльцо, вошел в дом. Сергея даже не допрашивали.

— Баба-то послабее будет... — шепнул Юзеф Владиславу.

Валентина тоже клялась, что никакого золота у них нет. В страхе косилась на финку, лила слезы по убитым... В комнате заплакал ребенок. Юзеф ушел туда и возвратился с дитем.

— Ну, говори, сучка, где золото, не то... — он указал глазами на плачущую девочку.

Валентина без сознания повалилась на пол.

Григорий писал показания Ланковского и чувствовал, как холодная злость заливает его, видел, как сузились глаза Роденкова, побелели и сжались в тонкую ниточку его губы. Когда Ланковский снова начал клясться, что он не убивал, что все это — Юзеф, Федор Герасимович ударил кулаком по столу:

— Хватит!! — и обернулся к стоящему у двери милиционеру. — Уведи... — Рука его непроизвольно сжала рукоятку нагана, он крикнул: — Ну, быстрее!

Шумско-Холмского взяли через два дня в вагоне поезда, когда он возвращался из Черемхово домой. После очной ставки с Ланковским и женой он пытался симулировать сумасшествие, но это не помогло: оба были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, и в кассации им было отказано.

Дело второе: КОМАНДИРОВКА ДЛИНОЮ В ГОД

В тридцатых годах в органах НКВД существовал экономический отдел — ЭКО, прародитель теперешнего ОБХСС. И однажды Григория вызвали на его заседание. Еще большей неожиданностью было то, что его представили руководству ЭКО.

— У молодого человека прирожденный талант сыщика — так его рекомендовал мне Роденков, — сказал старший оперуполномоченный Ананьин.

— Что ж, Федору Герасимовичу можно верить, — откликнулся начальник отдела, — он прекрасно разбирается в людях.

В то время на золотых приисках северных районов области работали не только государственные артели, но и вольные, старательские. И вокруг приисков осело множество подпольных скупщиков золота. Частенько драгоценный металл уплывал на сторону, в руки спекулянтов, валютчиков, зубных техников. Задачей ЭКО было выявлять такие каналы, отыскивать похищенное самородное и россыпное золото, изымать его. Задача сложная, требующая напряжения всех сил, потому-то и обратилось руководство ЭКО в уголовный розыск за помощью. Четверых молодых работников направил на помощь ЭКО уголовный розыск, и среди них был Григорий Трояновский.

В Киренске начальник оперативного сектора Плоткин ввел в курс дела:

— Район у нас обширный, — говорил он, — в него входят Корейский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский и часть Бодайбинского района. Так что от безделья страдать не будем. Учти, скупщики — бестии хитрые, товар прячут так, что... — Он махнул расстроенно рукой. — А ты будь еще хитрее.

И — крещение.

— Сейчас к тебе приведут женщину, доставили ее из Усть-Кута, — сказал Трояновскому Плоткин. — Дело сложное. Однажды, это было еще месяца три назад, у них остановились ночевать золотоискатели. Везли мужики с собой мешочек с золотым песком. Пока спали — мешочек исчез. Конечно, заявили куда следует. Делали у хозяев несколько раз обыск, и все впустую. А золото есть, нутром чую! Муж женщины вскоре после этого утонул на рыбалке, мы проверяли: обычный несчастный случай, никакого криминала. Так вот, допроси ее так, чтобы отдала она тебе золотишко. В Усть-Куте наш уполномоченный

сколько ни бился с нею — ничего не смог выпытать.

Плоткин ушел, а через несколько минут в комнату ввели женщину. От удивления Трояновский даже слегка привстал на стуле: хорошо одетая, с симпатичным круглым лицом и карими ласковыми глазами, она никак не походила на преступницу.

Григорий пригласил ее присесть, внимательно посмотрел на женщину, заговорил:

— Так вот вы какая!

— Какая! — ревниво вскинулась женщина.

— По-моему, порядочная женщина. И такое дело на себя вешаете! Вы же знаете, если вернете золото — вас сразу же отпустят, мы имеем право не привлекать тех, кто чистосердечно раскаялся и вернул похищенный металл государству. Да... Увидел бы вас на улице — никогда бы про вас такого не подумал...

К его удивлению, женщина заплакала.

— Ну, что же вы? Зачем плакать-то? Никто вас здесь не обидит! Вот выпейте-ка, — подал он ей стакан воды.

Она отстранила его руку, утерла глаза кружевным платочком, со вздохом сказала:

— Присылайте своих людей, отдам. Только не крали мы это золото, ей-богу не крали! Сами они его в снег выронили. Когда муж по весне погиб, стала я двор прибирать и наткнулась на мешочек этот кожаный...

— Что же вы... Почему в Усть-Куте не отдали? Не возили бы вас сюда. А дома, верно, хозяйство осталось, куры там, поросенок...

— Соседка присматривает... А не отдала там потому, что начальник ваш тамошний кричал на меня, угрожал... Ну, я назло ему... В общем, присылайте людей, отдам все. Мне оно ни к чему.

Женщина не только отдала золото, но еще и письмо Трояновскому написала: «Спасибо вам, товарищ начальник, за доброту вашу. Хочется мне за это отблагодарить вас. Есть у нас в поселке мужик, Вольпин фамилия. Зубной техник. Он часто золотишко у мужиков скупает, прячет его в дровянике под поленницей...»

Трояновский показал письмо Плоткину.

— Ну, что ж, — ответил тот, — коли ты самостоятельно вышел на это дело — тебе его и завершать. Бери коня, езжай в Усть-Кут.

Вольпин запирался:

— Нет у меня никакого золота. Откуда оно?

Тогда Трояновский решил прекратить эту игру. Следующий вопрос заставил Вольпина побледнеть.

— Ну, а в дровянике, под поленницей, что прячете?

Зубной техник едва выдавил:

— Н-ни-че-го н-не прячу...

— Смотрите, если сейчас найдем — вам же хуже будет. Лучше добровольно признайтесь и сдайте золото.

Техник опустил голову, пробормотал:

— Ваше взяла... Берите, сам покажу...

— Какое золото?

— Пять золотых царских червонцев да с килограмм золотого песку...

— Самородков нет?

— Нет...

Когда разобрали поленницу и достали оттуда жестяную банку из-под спирта, в ней оказалось... пятнадцать золотых империалов и несколько самородков.

— Перепутали, значит? — с усмешкой спросил Вольпина Трояновский. — Ну, а где то золото, про которое говорили?

Вольпин указал. Но и там оказалось не то: снова подвела память. Так и ходили они с Трояновским от тайника к тайнику, пока не выгребли все спрятанное золото, в общей сложности около четырех килограммов.

— Учитесь, как надо работать! — говорил Плоткин на совещании работников сектора. — Молодой парень, никогда не работал по драгметаллу, а сумел за короткий срок вернуть государству свыше шести килограммов золота! Встаньте, Трояновский.

Григорий встал.

— От лица службы вы за отличную работу награждаетесь кожаной тужуркой! — подошел к Григорию, набросил ему на плечи новую черную кожаную куртку, дружески хлопнул по плечу. — Носи, Гриша, на здоровье!

Командировка затягивалась. Там, в Иркутске, осталась молодая жена, скучал по ней Григорий, хотелось поскорее вернуться домой, в свое управление, встретиться с Роденковым, со своими друзьями. Но его не отпускали: от чахотки умер Ананьин, и Григория поставили на его место.

— Как только приедет замена — сразу отпущу, — заверял его Плоткин. — Хотя, ей-богу, не знаю, чего ты туда так рвешься, в свой уголовный розыск. Оставайся у нас, а? Смотри, какие дела раскручиваешь! Квартиру тебе дадим, жену сюда выпишешь...

Григорий отрицательно мотал головой.

Известие было тревожным: кто-то начал спаивать старателей, выманивать у них золото. Плоткин хмурился. Искали долго, наконец, один из золотоискателей признался: водку доставляют

китайцы. Меняют на золотой песок, на самородки. Денег не берут.

С обыском пришли к фанзе китайца Ли Фунчи. Он тряс своей тощей косичкой, прижимал руки к груди, клялся, что никакой водки у него и в помине нет. Указывал на грядки, где росла помидорная рассада, лук, чеснок. Дескать, вот чем занимаюсь, огородничеством, тем и живу.

Ни в фанзе Ли, ни в дворовых постройках ничего не нашли. Пора было извиняться перед китайцем и уходить. Но что-то говорило Григорию, что есть здесь золото. Где же, где?! Григорий медленно ходил по двору, остановился у парничков с рассадой. Краем глаза заметил, как насторожился Ли. «Неужели здесь? Как же он достает его, не вредя растений? — думал Григорий. — А что, если второе дно? Что-то больно высоки в парничках грядки-то. Для рассады такого мощного слоя перегноя не требуется...»

Он подошел к одному из парников, откинул раму. Тут же возле него оказался Ли, схватил за руку, горячо заговорил что-то. Переводчик тут же перевел:

— Говорит, что нельзя открывать парники, рассада замерзнет. Мы разорим его. Он будет жаловаться самому большому начальнику.

— Ничего, не замерзнет, на дворе-то теплынь, — отозвался Григорий и стал осторожно отгребать землю от краев.

Из-под перегноя показались ручки из сыромятной кожи. Он взялся за них, потянул, и слой земли вместе с посаженной в него рассадой поднялся, обнаружилась яма, сплошь заставленная мешочками. Пять килограммов золота изъяли они у Ли Фунчи. Плоткин удивленно смотрел на Григория, поражался:

— У тебя что, в голове аппарат какой-то спрятан, что ли? Никогда бы не подумал, что китаец прячет металл по грядкам! Нет, Григорий, не отпущу я тебя!

Но отпустить все-таки пришлось: из управления НКВД приехал оперуполномоченный на место умершего Ананьина, привез приказ об окончании командировки Трояновского.

Дома Григория ждало неприятное известие: ушел из уголовного розыска в автодор Федор Герасимович Роденков.

— Как же так? — растерялся Григорий. — Такого человека — и отпустили...

Начальник уголовного розыска хмуро глянул на Трояновского.

— Здоровье у Федора стало... не очень... А что ты хочешь? Ранение еще в империалистическую, революция, гражданская война, потом двенадцать лет гонялся за разной дрянью.

Постоянные перестрелки... Тут и железный не выдержит.

Он встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился напротив Трояновского, глянул ему прямо в глаза.

— Мне докладывали, что ты отличился в командировке. Молодец! Так и держи. Будь достоин своего учителя, Григорий!

Дело третье: ТАЙНА СОБАЧЬЕЙ КОНУРЫ

Машина остановилась, конвоиры спрыгнули на землю, открыли дверку:

— Выходи!

Стрекочинский вышел из машины, глянул на зеленеющую траву, на деревья: «Все, погулял Мишка!» — подумал он, и в душе всколыхнулась волна протеста: жить! Жить!

Он шел впереди конвоиров, а глаза лихорадочно стреляли по сторонам, выискивали лазейку. Кусты становились все гуще. Мишка искоса глянул на конвоиров, те шли спокойно, переговаривались о чем-то своем, тянули только что скрученные цигарки. И он рванулся вперед, в густые, разросшиеся кусты.

— Стой!

Щелчок курка...

Мишка вжал голову в плечи, изменил направление, продолжал бежать. Пуля шлепнулась о ствол дерева. Сзади слышался топот сапог. Быстрее, быстрее... Стрекочинский напрягал все силы, петлял, как заяц, по кустам и слышал, что все больше и больше удаляется от преследователей.

«Все, теперь не догонят! Фиг вам, лягавые! Погуляет еще Мишка Стрекочинский!»

Это было ЧП. Объявили всесоюзный розыск, прочесали Иркутск, но поиск ничего не дал. Потом из Свердловска пришла весть: бандит Стрекочинский убит при попытке ограбления Государственного банка.

В кабинете старшего оперуполномоченного отдела по борьбе с бандитизмом при 4-м отделении милиции зазвонил телефон. Григорий Абрамович поднял трубку.

— Да...

Докладывал дежурный.

— Вас хочет видеть один человек.

— Пропустите.

Вскоре в дверь постучали, и через порог ступил высокий рабочий, одетый в синюю спецовку. Григорий Абрамович знал его, тот не раз помогал в раскрытии преступлений, был милиции добровольным помощником. Таких людей у Трояновского и его товарищей было немало, они постоянно опирались на свой актив, это сильно помогало работе.

— Что случилось, Захария?

— Вы дом на Второй железнодорожной знаете? Такой большой, пятистенный?

Трояновский кивнул. Ему ли не знать этот дом, ведь там жили родственники Стрекочинского! Не один раз после Мишкиного побега делали там обыски, устраивали засады. Но теперь-то Мишки нет! Так что же заметил их глазастый помощник?

— Я ведь рядом живу. А работаем мы, ассенизаторы, обычно по ночам, домой возвращаемся уже к рассвету. И вот я несколько раз из окна своей кухни видел, как мелькает возле собачьей конуры какая-то тень.

— Так собака же, наверное, и бродит!

— Да нет... Вчера вот собака была у меня в огороде, а тень я все равно заметил.

Трояновский задумался. Перед ним лежало дело, которое не терпело отлагательств: убийство красного командира возле рощи «Звездочка». Командир только что вернулся из Монголии и был убит выстрелом в печень из револьвера системы «Наган», исчезло его коричневое кожаное пальто и оружие. Раскрыть это дело требовалось в кратчайший срок, начальство наседало, а он все еще топтался на месте: не за что было зацепиться. Но и сигнал без внимания оставлять было нельзя. Трояновский вызвал своего помощника Александра Петрушина, попросил рабочего повторить свой рассказ. Потом обратился к Петрушину:

— Что думаешь, Саша?

— Однако, проверить не мешает...

— Значит, идем сегодня?

Петрушин согласно кивнул.

— Тогда так, — обращаясь к рабочему, проговорил Трояновский. — Надо бы как-то на ночь убрать собаку.

— Это просто. Пес меня знает, подманю его косточкой и запру в доме.

— Добро... Ну, а мы — придем.

Ночь выдалась светлая. Улица — никаких фонарей не надо. Трояновский недовольно покосился на полную луну, сегодня она для них с Петрушиным вовсе некстати, но делать нечего, надо идти.

Они подошли к дому рабочего во втором часу, легонько стукнули в окно. Гулко взлаял пес и тут же замолк. Хозяин вышел на улицу, зашептал:

— Все, у меня собака. А вы во двор заходите не отсюда, а с задов. Здесь забор высокий, калитку они всегда запирают. Там проще.

Собачья будка стояла сбоку крыльца. Трояновский помнил ее обитателя — громадную и злобную рыжую дворнягу — и потому не удивился большому входному вырезу будки. Он встал на

колени, просунул внутрь руку. Зашуршала подстеленная солома. Задней стенки он не нащупал и продвинулся дальше. И снова впереди ничего. Трояновский уже весь влез в будку, наружу торчали только его сапоги, когда наткнулся на стенку. Повел рукой вниз — пустота. Выбрался обратно, шепнул Петрушину:

— Давай за мной. Там — лаз.

И задом пополз обратно. Спустил ноги в пустоту, осторожно стал спускаться. Наконец, ноги достигли земляного пола, Трояновский выпрямился, поднял руку, нащупал досчатый потолок. Услышал, как в будке зашуршало, протянул руку, осторожно похлопал Петрушина по сапогу: тише! Потом подхватил своего невысокого помощника, поставил его на ноги, сжал плечо, предупреждая о возможной опасности. Нащупал в руке помощника пистолет, достал свое оружие и стал шарить по потолку, искать проводку. Есть! Теперь нужно найти снижение. В то время электропатроны выпускались с выключателями прямо на них, Трояновский это хорошо знал и сейчас искал патрон. А вот и снижение! Рука скользнула по нему вниз, пальцы наткнулись на маленький рычажок — в подполе тускло засветилась маленькая электролампочка. Трояновский быстро огляделся. На стоящей у противоположной стены кровати спиной к ним спал человек. Из-под подушки торчала колодка маузера...

Трояновский едва успел рвануть на себя Петрушина, отстраняясь от прямой линии «кровать — лаз», как в ту же секунду человек повернулся и неприцельно, наугад дважды выстрелил. Пули не задели их, и они навалились на бандита.

Обезоруженный, со связанными за спиной руками, он стоял перед ними. Трояновский повернул его к свету и вскрикнул от удивления:

— Мишка?!

— Ну, Мишка.

— Так тебя же в Свердловске застрелили!

— Вот уж где не был, начальник, так не был... Знать, кого-то другого лягавые приняли за Мишку Стрекочинского.

Григорий Абрамович повел взглядом вдоль стен. На гвозде висело коричневое кожаное пальто! Он бросился к нему, глянул на спину чуть пониже пояса. Точно, оно! Аккуратно зашитая дырочка указывала, куда попала пуля.

Он снова обернулся к Стрекочинскому, кивнул в сторону пальто:

— Значит, твоя работа?

— Ну, моя...

— Из чего стрелял? Где наган?

— А на кой он мне, когда у меня вон какая машинка? —

указал тот на маузер. — В Ангару выбросил!

Привели Мишку в отделение милиции.

— Ты, Саша, посиди с ним, покарауль, а я часика два отдохну, доложу по начальству, сдадим его и пойдешь спать.

— Все одно сбегу! — заявил Мишка. — Ну, гляди тогда, Черный Ворон, откаркаешься!

Трояновский усмехнулся: не первый раз слышал он свое прозвище. Товарищи смеялись: тебя, Григорий, не только за масть так нарекли (носил Трояновский пышную, смоляную шевелюру), больше за то, что больно уж «нежен» с ними, прямо беспощадно «нежен».

— Не пугай. Слышал уже...

Начальник уголовного розыска был удивлен:

— Ты что-то путаешь, Григорий! Стрекочинский же убит!

— И я так думал. Да вот видишь... Знаю ведь его. Да он и сам не скрывает своей личности.

— Ну, если так, молодцы вы! Такого волка повязали!

Потом выяснилось, что Мишка пришел к дяде сразу же после побега. Опустили они в подполье второй половины дома кровать, еды на несколько дней, воду, мигом перестлали полы, скрывая лаз. И Мишка затаился там, ночами осторожно прокапывая ход в собачью будку. Потому-то и не обнаруживали его оперативники, приходившие с обыском, что подполье, куда они заглядывали, было под другой половиной пятистенка и никак не сообщалось с Мишкиным убежищем, а над ним — обыкновенный пол из целых толстых плах.

За эту операцию Григорий Абрамович был награжден именным серебряным портсигаром. Наградили и других участников: Александра Петрушина и их добровольного помощника.

Но встретиться со Стрекочинским Трояновскому пришлось еще раз: сумел-таки Мишка снова бежать. И снова его приметы были разосланы по стране.

...Женщина волновалась:

— Может, и он... В темноте не разглядела. Только — похож...

Суть ее рассказа сводилась к тому, что у продавщицы хлебного магазина возле рощи «Звездочка», которая жила тут же, в пристройке, появился мужчина, похожий на разыскиваемого Стрекочинского.

— Он сегодня ночью уходить собирается. До второго Иркутска пешком, а там, мол, сядет на поезд.

К магазину подошли ночью. Прислушались. Два голоса — мужской и женский. Вот голоса стали приближаться к двери. Сотрудники встали по бокам ее, вжавшись в степы, с оружием

наготове.

Открылась дверь. Некоторое время никто не появлялся: смотрели на улицу из темных сеней. Потом на порог шагнул мужчина в кожаной тужурке, следом — полная женщина. Мужчина повернулся к ней, и в этот миг Трояновский бросился вперед, ткнул стволом пистолета в левую Мишкину лопатку, рванул у него из-за пазухи наган. Тот самый, оказалось, из которого был застрелен командир. Не выбросил его Мишка в Ангару, припрятал у знакомой. Тут же Петрушин скрутил Мишке руки, крепко связал их припасенной веревкой.

Стрекочинский недобро усмехнулся:

— Да-а, жаль, я не пристрелил тебя, Ворон, жаль. А мог бы, мог. Ну да ничего, исправлюсь. Снова сбегу. Вот тогда и посчитаемся.

— Хватит, Мишка, набегался.

Дело четвертое: НОЧНЫЕ ГОСТИ

Время было тяжелое — сорок второй год. На Западе шли бои, здесь, в Сибири, тоже было неспокойно: опасались, что в войну вступит Япония. Летом сорок второго была введена пропускная система: свободно проехать можно было только до Иркутска, для проезда дальше на восток требовался специальный пропуск. Между Иркутском и Слюдянкой работали оперативные группы, проверяли пропуска и не имеющих их возвращали обратно в Иркутск. На иркутском вокзале в то лето скопилось до полутора тысяч пассажиров. Они не только заняли здание вокзала, но и запрудили всю привокзальную площадь. Такая скученность народа для воров — просто рай, и потому начальнику уголовного розыска транспортного управления милиции станции Иркутск Григорию Абрамовичу Трояновскому редко удавалось как следует выспаться. От усталости резало глаза. А тут...

> *«Здравствуйте, гражданин начальник! Пишет это известный вам Валька Хват. Я, гражданин начальник, давно уже «завязал», с тех самых пор, как взяли вы меня в лавке Золотопродснаба. Сейчас работаю, честно добываю себе на хлеб. И, век свободы не видать, это — лучше. Зовут меня сейчас все уважительно: Валентином Сергеевичем. И я не хочу больше быть Валькой Хватом, решил всю жизнь быть только Валентином Сергеевичем Распоповым. А тут приходит ко мне третьего дня Мишка Новаковский, стал на дело звать. Я, конечно, отказался. Но узнал, что завтра ночью пойдет он с корешами брать старика со старухой на улице Кругобайкальской. Такой большой дом с желтыми ставнями...»*

Григорий Абрамович задумался. Письмо его бывшего «крестника», за удачливость в воровских делах прозванного Хватом, насторожило: он сообщал об исчезнувшем куда-то бандите Новаковском, человеке отчаянном, опасном уголовнике. Значит, Мишка снова на дело собрался! Снова может пролиться чья-то кровь, снова будет чье-то горе, чьи-то слезы. А горя в эти сороковые годы и так хватает.

Он мог бы и не ввязываться в это дело, просто позвонить в уголовный розыск отделения милиции, это был их участок, транспортная милиция к этому отношения не имела. Но он помнил заветы Роденкова и Плоткина: всегда идти на помощь людям, не задумываясь, твоя это обязанность или еще чья-то. А

тут еще и времени оставалось в обрез. И Трояновский решил действовать.

Снаряд разорвался рядом с «газиком». Машина перевернулась. Мишка, осторожно придерживая раненую руку, выбрался из кабины, стал вытаскивать своего начальника — командира танковой бригады, которого возил уже два месяца. Голова командира была разбита, сердце молчало. Мишка присел рядом, выругался.

Вот жизнь, а?! Живешь и не знаешь, будешь жить завтра или закопают тебя в землю-матушку. А что он, Мишка, имеет за это? Правда, коли не отправили бы его на фронт, рыл бы сейчас землю где-нибудь на Колыме. А так — армия прервала его розыск, здесь все-таки свобода, да и жратва у танкистов добрая. Но жратву-то он, Мишка Новаковский, всегда бы добыл и в тылу: есть еще места, где можно неплохо поживиться. Знать их только надо. А он — знал.

К чему же тогда рисковать жизнью? Она у него одна! И прожил он не так уж много: всего два года назад, перед самой войной, отпраздновал тридцатилетие.

И Мишка решился.

До Иркутска добирался долго, не раз останавливали его, но выручал серый танкистский комбинезон да документы, украденные у какого-то разини интенданта. Там, в Иркутске, была у него знакомая, Соня Ахмедзянова, работала на вокзале в багажном отделении. К ней и направился Мишка.

Женщина встретила его радушно: помнила Мишку еще по довоенным временам, знала его щедрость, удачливость в делах.

Несколько дней отдыхал Новаковский на мягком Сонином пуховике, но всему приходит конец, пришел конец и Мишкиным деньгам, хотя и привез он их прилично: к своим добавил найденные в кармане убитого командира, да и у интенданта деньжата водились.

Соня свела его с Николаем Петренко, тот тоже скрывался от вездесущей милиции. Он порекомендовал мужика, живущего в предместье Рабочем. Правда, мужик обзавелся семьей, даже пацана успел состряпать. Это обстоятельство не понравилось Мишке, и он решил его держать в резерве, хотя третий человек нужен был позарез. Пришла как-то в гости к сестре электромонтер Фиса Ахмедзянова, рассказала, что на Кругобайкальской, в тихом месте, стоит просторный дом из трех комнат и кухни. Живут в нем всего двое: старик со старухой. Старики хоть и крепкие, но все же — старики. Добра у них, видать, немало. Стены коврами увешаны, во дворе — две коровы,

свиньи. Бабка с выгодой торгует молоком, сливками. Да и сын стариков не забывает, часто шлет из Бодайбо то переводы, то посылки. Словом, «наколочку» Фиска дала добрую. Пусть поделятся своими шмотками с добрыми людьми, жить-то им осталось всего-ничего, с собой, что ли, добро-то потащат?! И Мишка, чтобы найти третьего, отправился к своему бывшему корешку Вальке Хвату. Знал: раньше Хват не упускал таких возможностей.

Хват сидел и молча слушал Новаковского. Потом скосил глаза в угол, на материну икону Николая Чудотворца, сказал, как отрезал:

— Нет, Мишка, не пойду. Завязал я... И тебе не советую. Хватит, покуролесили мы с тобой... Время сейчас военное, менты запросто могут и шлепнуть. Кто их за это осудит? Нет, Мишка, нет!

Пришлось Мишке уйти ни с чем. Ладно. Хвата он заменит тем, из Рабочего, одно плохо: все Вальке рассказал, даже срок открыл. Ну да ничего, не должен Валька скурвиться, настучать на него ментам, да и времени почти не осталось: налет должен состояться через два дня.

Фиска предупредила: окна, что выходят на улицу, имеют не только ставни, но и двойные рамы, которые даже летом не выставляются. А вот кухонное окно во дворе — с одной рамой, да и ставень там оторван. Правда, забор высокий, но это Мишку не пугало, тем более, что собаки во дворе не было. А он и не через такие заборы прыгал...

Распределились так: они вместе с Николаем идут в дом, рабочедомский мужик на стреме, возле калитки. Через полчасика Сонька с Фиской берут мешки и приходят за шмотками. Впятером они смогут унести все за один раз. Чем быстрее управится — тем меньше риск.

Оперативная группа подошла к дому, как только стемнело. Быстро прошли во двор.

— Калгин — на тополь возле калитки, Огарков — в огород. Как только выстрелю — беги на подмогу. Берман — со мной, — быстро распределил обязанности Трояновский и постучал в дверь.

— Кто там? — отозвался настороженный старческий голос.

— Милиция!

— Днем приходите, что по ночам-то шляетесь? Не открою!

— Открывай, дед, не то дверь сломаем!

Дверь отворилась, и Трояновский увидел на пороге старика с топором в руках. Рядом стояла старуха, держала фонарь «Летучая

мышь».

Григорий Абрамович вынул удостоверение, протянул старику. Тот внимательно изучил документ, вернул, но по-прежнему стоял на пороге, загораживая вход. Трояновский шагнул прямо на него, тот попятился. Так, отступая, он прошел в кухню, за ним — Трояновский, потом — старуха, замыкал шествие Берман.

— Закройте дверь на задвижку! — скомандовал Григорий Абрамович.

— А вы никак ночевать здесь собрались? — неприязненно спросил старик.

— Грабить вас сегодня ночью собираются, отец. Потому и пришли мы...

— И вы с ними?! — ужаснулась старуха.

Трояновский усмехнулся:

— Были бы с ними — не объясняли бы... Давайте быстренько запирайте двери!

Бабка выскользнула в сени, и оперативники услышали, как там загремел массивный железный засов.

Трояновский поместил стариков в самую дальнюю комнату. За ее дверью встал Берман, сам Григорий Абрамович спрятался в кухне, за шкафом.

— И чтоб — ни звука! — предупредил он стариков. — Из комнаты не выходить!

Только увидев приготовления оперативников, их вынутые из кобуры пистолеты, понял старик, что дело серьезное. Он упал перед Трояновским на колени.

— Спасите, ради бога, спасите! — бормотал он. — Ничего не пожалею!

— Да вы что, думаете, что говорите? Идите в комнату! — прикрикнул на него Григорий Абрамович: бандиты могли появиться с минуты на минуту.

Потянулось ожидание.

...За окном послышался шорох, тихо скрипнули петли калитки. «Идут!» — понял Трояновский и плотнее прижался к стене. Тут же увидел притиснутые к оконному стеклу лица: старались разглядеть внутренность кухни.

Замазка на окнах была старая, закаменела, и Мишка зря потратил минут двадцать, стараясь отколупнуть ее финским ножом. Тогда он осторожно, локтем, выдавил стекло, вдвоем с напарником вынули обломки, опустили в стоящую рядом бочку с водой, смывая со стекла отпечатки пальцев. Тихо влезли в окно.

— «Мочу» старуху, потом примемся за старика... — услышал Григорий Абрамович шепот бандита и с ужасом вспомнил, что на

их пути стоит Берман. Щуплый, низкорослый, он в темноте вполне мог сойти за старика и получить либо удар ножом, либо пулю. Трояновский щелкнул выключателем и бросился вперед. Грохнул выстрел, но в следующую секунду трофейный «вальтер» Новаковского лежал на полу, а сам Мишка согнулся от боли в скрученных руках. В окно прыгнул Огарков, преграждая путь к отходу второму бандиту, и тот медленно поднял руки, выпустив из них финку.

Втроем быстро связали бандитов и тут услышали на улице выстрел. Спустя некоторое время в дом вошел Калгин.

— Где третий? — спросил его Григорий Абрамович.

— Когда вы здесь зашумели, он кинулся было бежать, я спрыгнул с дерева, да неудачно, упал на колено. Он на меня — с ножом... Я и выстрелил. Кажется, наповал...

Вышли на улицу.

— Ну, так где же он? — спросил Трояновский.

Калгин удивленно оглядывался.

— Да вот же, здесь он лежал!

Григорий Абрамович посветил вниз, увидел темные пятна на земле, повел фонариком влево — на некрашенных досках забора отчетливо были видны кровавые отпечатки ладони.

— Беги, срочно звони во все больницы: как поступит раненый, чтоб немедленно сообщили нам! — скомандовал он Берману.

Раненого бандита подобрали на привокзальной площади, привезли в больницу. Он был без сознания. Двое взятых бандитов молчали, как ни бился с ними Трояновский. А нужно, обязательно нужно было знать, кто навел их на этот дом. Мишка, кривя губы в усмешке, бросил:

— Не надейся, Ворон, своих не продаем!

Григорий Абрамович и не надеялся, знал: эти двое не скажут. Вся надежда была на того, третьего, что лежал в больнице. Рядом с ним неотлучно находился Огарков.

Перед смертью раненый пришел в сознание, рассказал все. Показания за него подписал дежурный хирург.

Женщин взяли сразу же, как только Огарков позвонил из больницы. Привели на очную ставку с бандитами. Мишка зло выругался:

— Хват, сволочь, продал!

Трояновский протянул ему показания умершего:

— На, читай!

Мишка скользнул взглядом по листку бумаги, вздохнул:

— Эх, недаром я его брать не хотел! Как чувствовал...

Дело пятое: СОВЕСТЬ ЗАГОВОРИЛА

Зинаида Ивановна, заведующая карточным бюро Нижнеудинска, открыла усталые глаза, и взгляд ее невольно скользнул вниз, к чемодану. Там было пусто. Она не поверила своим глазам, нагнулась, повела рукой. Чемодана не было. И ночную вагонную тишину разорвал ее истошный вопль:

— О-ой! Укра-а-али-и!!

Трояновского вызвал к себе начальник управления транспортной милиции полковник Метелкин.

— Такое дело, Григорий Абрамович... В поезде у заведующей карточным бюро украли чемодан с продовольственными карточками. Представляешь, на весь район и город там были карточки! И среди них — немало рейсовых... В обкоме партии уже знают, звонили. Словом, разбейся, но карточки найди.

Потерпевшая ждала его в Кимельтее. Рассказала:

— Всю дорогу ведь глаз не смыкала! Боялась... И вот тебе на... Перед самой Зимой сморил сон... А в Кимельтее проснулась — ничего. Может, от самого Иркутска караулили?

Трояновский понимал, какую ценность представлял собой чемодан. Особенно из-за рейсовых карточек, которые можно было отоварить в любом населенном пункте страны, даже не имея в паспорте постоянной прописки.

«Разиня! — неприязненно подумал Григорий Абрамович и про себя прикинул: — Так. Значит, до Зимы чемодан наверняка был на месте. Да и в Зиме его вряд ли кто трогал; только что уснула, не успела еще разоспаться-то, наверняка бы проснулась, если что. Значит, здесь, в Кимельтее?»

В первую очередь он пошел к начальнику станции: не ждали ли кого с этим поездом?

— С самого вечера на станции толкался возчик из леспромхоза, ждал своего директора.

— Приехал директор-то?

— Видимо, приехал. Утром возчика уже не было.

Возчика, старичка с седенькой сивой бородкой, Трояновский засыпал вопросами: не видел ли на станции кого из знакомых? Может, кто из них приехал с этим поездом?

Дед задумался. Потом, поглаживая бородку, сказал:

— Не ведаю, с этим ли поездом он приехал, но подвезти просился.

— Кто?!

— Да Степан Никулин. Чемодан еще у него был. Маленький,

а тяжелый. Степка его аж двумя руками тащил.

— Далеко увез его?

— Дак до дома! Степка, почитай, два года дома-то не был: сидел за воровство.

— Дом показать можете?

— А чего же не показать? Я Никулиных хорошо знаю. Отец-то Степкин до сих пор на железке работает, с самых двадцатых годов.

Степана дома не оказалось. Мать с отцом тревожно смотрели на Трояновского.

— Неужто опять что натворил? — с тревогой спросила мать. — Какой-то странный он вчера был, вроде как потерянный...

— А сейчас он где?

— Сказал, что в деревню поехал. Дружок там у него в колхозе работает... Обещал сегодня вернуться.

Григорий Абрамович решил произвести обыск в квартире Никулиных.

— Что ж, ищите... — только и сказал Степкин отец, а мать низко опустила голову, словно придавила ее тяжелая ноша.

В избе ничего не обнаружили. Перешли во двор. Григорий Абрамович прошел в стайку, посмотрел на равнодушно жующую корову. В углу — копна сена. Он сунул руку, наткнулся на что-то твердое. Мигом разбросали сено, под ним лежал желтый чемодан. Трояновский откинул крышку: весь чемодан, до самого верха, был набит продуктовыми карточками, упакованными в твердую оберточную бумагу. На одной из пачек бумага была надорвана.

Степку взяли на следующий день. Только не в деревне, а в Кимельтейском военкомате, парень просился на фронт.

На суде Никулин рассказывал:

— Сам не знаю, какой бес меня попутал! Давал ведь зарок: больше ни-ни! Больно уж большая разиня попалась... Бросила чемодан на пол и дрыхнет... Не знал я, что там у нее. Когда домой-то принес, открыл его в стайке, пощупал — показалось, что деньги. Чиркнул спичкой и обомлел: карточки! Страшно стало и совестно: скольких людей голодом оставил!

Поверьте, граждане судьи, ни одной не взял! Удрал из дому, решил больше не возвращаться, пошел на фронт проситься...

Поимейте жалость, граждане судьи, хоть сколько давайте мне за это, только отправьте на фронт!

Суд удовлетворил Степкину просьбу.

Дело шестое: ЖАДНОСТЬ

Супруги Сидоренко жили дружно. Степанида Петровна, хоть и была старухой прижимистой, для своего мужа, Афанасия Ильича, не жалела ничего. А он любил приложиться к рюмочке. Однако, хоть и пил часто, но — понемногу и никогда не напивался допьяна.

В Подмосковье был у них свой дом, держали пару поросят, корову. Степанида была большой мастерицей по части засолки свиного сала, откармливать поросят умела так, что сало было с мясными прожилками. Часто собирали они посылки сыну в Читу, он их звал к себе, да все не решались Сидоренки сорваться с насиженного места. И только когда началась война, продали старики дом, скотину и подались на восток. Пока ехали, была введена пропускная система, и дальше Иркутска их не пустили. Уже несколько дней жили Сидоренки на Иркутском вокзале. Старику хоть бы что, свою ежедневную «четушечку» он получал от Степаниды Петровны регулярно и потому всегда был весел, балагурил с соседями по вокзальной скамье. Степанида же Петровна чем дальше, тем больше нервничала, не раз ходила к начальнику вокзала с просьбой о пропуске, но все безрезультатно.

Афанасий Ильич был стариком живым, непоседливым. То туда убежит, то сюда. Почти целыми днями сидела Степанида Петровна на скамье одна, караулила вещи. На пятый или шестой день рядом с ней опустилась молодая женщина, одетая в светлый габардиновый плащ. Лицо ее было усталым.

— Господи, сколько же еще торчать-то здесь?! — с отчаянием произнесла она.

Степанида Петровна тут же откликнулась:

— Ох, милая, и не говори! И мы со стариком совсем уже измотались.

— Далеко едете-то, бабушка?

— В Читу, к сыну... Все продали: дом, корову, сорвались с места и вот, пожалуйста, — едем, едем, все никак доехать не можем!

— И я в Читу. Муж у меня там служит. Да вот пропуск никак не выхлопочу. — Она доверительно нагнулась к Степаниде Петровне, шепотом продолжила: — Говорят, есть здесь один начальник, помогает людям. Не даром, конечно... Обещали мне узнать, где он живет...

Она еще немного посидела, поговорила со Степанидой Петровной, потом поднялась.

— Пойду, узнаю...

— Пойди, пойди, милая... Если что — нас, стариков, не забудь.

Вернулась женщина через час. Тихо сказала:

— Нашла... Деньги-то есть, бабушка, чтобы заплатить ему?

Степанида Петровна настороженно покосилась на нее, незаметно ощупала грудь, где в объемистом свертке хранила всю свою наличность.

— А сколь надо-то?

— Пятьдесят рублей.

Деньги по тем временам были небольшими, и бабка радостно закивала:

— Есть, есть!

— Тогда пошли.

— Счас, милая, погоди маленько, прибежит мой старик, и пойдем.

Вскоре появился и Афанасий Ильич. Оставили его сторожить вещи и пошли.

Высокий военный быстрым шагом шел им навстречу, видимо, спешил. Слегка задел плечом Степаниду Петровну, извинился, пошел дальше. Из-под полы его шинели на землю выпал сверток. Женщина подняла его, хотела было окликнуть военного, но Степанида Петровна остановила:

— Погоди-ка, давай сначала посмотрим, что там. А вдруг деньги?

— Отдать нужно. Нехорошо это... — укоризненно произнесла женщина.

— Ничего, у них, военных, денег много, — отпарировала Степанида Петровна и повлекла женщину к дальнему забору.

Только развернули бумагу, как перед глазами мелькнула толстая пачка денег. Похоже, что все они были одного достоинства, по пятьдесят рублей. У Степаниды Петровны заблестели глаза, она протянула было руку, но тут остановили чьи-то шаги. Женщина спрятала сверток под плащ. Перед ними стоял военный.

— Вы не подбирали сверток? С деньгами?

— Нет-нет, не видали! — торопливо проговорила Степанида Петровна.

— Как же так? Мне люди на вас указали.

Женщина пренебрежительно пожала плечами.

— А ну-ка... — военный шагнул к ней, быстро ощупал ее плащ, повернулся к Степаниде Петровне. — Вы уж извините, но и у вас посмотрю.

— У меня свои деньги! — отшатнулась Степанида Петровна.

— Покажите. Я свои деньги знаю, у меня купюры по

пятьдесят рублей. Да не бойтесь, ваши не возьму.

Степанида Петровна вытянула из-за пазухи сверток со своей наличностью, военный взял его, на миг отвернулся, разглядывая, тут же снова завернул бумагу, со вздохом вернул:

— Нет, не мои...

Степанида Петровна, даже не взглянув, — при ней ведь смотрели-то! — вновь упрятала деньги за пазуху, а военный приступил к женщине:

— Все-таки не верю я вам... Давайте-ка, еще раз осмотрю ваши карманы.

На этот раз он был внимательней и из внутреннего кармана плаща женщины извлек свою пропажу. Глаза его зло сузились.

— Ах ты, сволочь! Значит, не видела? А ну, пошли в милицию!

Он вел их через вокзальную площадь к милиции. Степанида Петровна жалобно заговорила:

— Меня-то отпустил бы, сынок, а?

Женщина поддержала ее:

— Отпустите бабку... Деньги-то ведь я подобрала, она о них и не знала.

Военный остановился, смерил их взглядом, потом махнул рукой:

— Ладно, бабка, иди...

И Степанида Петровна затрусила прочь, к своему старику.

— Ну, как? — встретил ее Афанасий Ильич. — Достала пропуск-то?

Она раздраженно махнула рукой: какой, мол, там пропуск!

Афанасий Ильич немного помолчал, подождал, пока его дражайшая половина успокоится, потом легонько толкнул ее в бок.

— На четушечку-то дай, Степа!

Степанида Петровна вздохнула, полезла за пазуху.

— О-ой, матушки! Обокрали! — разнеслось по залу: в свертке лежала аккуратно нарезанная бумага, а деньги... Только и осталось, что — наверху бумаги, прикрывая ее, — единственная пятидесятирублевка.

Трояновский с Огарковым внимательно выслушали Сидоренков. Огарков понимающе кивнул:

— «Кукла»...

Старики недоуменно уставились на него, Трояновский пояснил:

— Так у нас эта штука называется: подкидная «кукла». Он ею ваши деньги подменил, пока разглядывал у окошка. Ну, что ж,

идите, будем искать. Зайдете завтра.

И военного, и «сердобольную» женщину арестовали в тот же вечер в ресторане Иркутска-II. Те даже потратить деньги не успели.

— Спасибо, милые, спасибо вам! — благодарила милиционеров Степанида Петровна за найденные деньги да за пропуск, выхлопотанный для них Трояновским.

Дело седьмое: УБИЙСТВО НА СТАНЦИИ ЛЬГОВ

Шел 1944 год. Одна за другой освобождались от фашистской оккупации западные области нашей страны. Люди тут же принимались восстанавливать разрушенное хозяйство, строить. Но много нечисти, сотрудничавшей с гитлеровцами, осело на дно, ушло в подполье. И они не просто прятались, бывшие старосты и полицаи, они из-за углов стреляли в партийных и советских работников, терроризировали население. Оперативных работников не хватало: многие погибли на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, в подполье. Тогда на помощь работникам милиции западных областей пришли свердловчане, красноярцы, иркутяне. Управления милиции Урала и Сибири отдали свои лучшие кадры. Среди них был и Григорий Абрамович Трояновский. Его назначили заместителем начальника отдела транспортного управления милиции Московско-Киевской железной дороги. Это была одна из самых сложных дорог страны, проходила она по трем республикам: РСФСР, Украине и Белоруссии, по тем местам, где еще совсем недавно гремели бои. На груди Трояновского в то время уже сверкали два ордена: Знак Почета и Красной Звезды, в кобуре покоился именной пистолет ТТ.

Встретили его хорошо, и Григорий Абрамович сразу же включился в работу.

Шло оперативное совещание отдела. Майор Трояновский стоял перед своими подчиненными, многие из которых еще совсем недавно пришли с фронта после различных ранений, и говорил, как когда-то говорил ему Роденков.

— Нельзя дела делить на важные и неважные. Важны все. Порой за, казалось бы, незначительным случаем кроется большое преступление. И еще. При первом осмотре места происшествия не упускайте ничего. Любая мелочь может стать отправной точкой к раскрытию преступления...

В это время раздался звонок. Григорий Абрамович снял трубку.

— Да. Трояновский слушает.

— Докладывает старший оперуполномоченный по станции Льгов Сидорин. В полутора километрах от станции на полотне железной дороги путевым обходчиком найден труп неизвестного. Изуродован поездом... В нижнем белье... Предполагаю ограбление

и сброс с поезда.

— Труп не трогать! Выезжаю.

Человека действительно изуродовало до неузнаваемости. Видимо, несколько десятков метров тащило его колесами поезда. Но — привычный глаз отметил — на белье, в местах разреза трупа, не было крови. Трояновский смотрел на страшную находку и молчал.

«Кто же ты, мил-человек? Кто тебя так? За что? Где искать его?»

Он нагнулся ниже, на окровавленном лбу, под корочкой запекшейся крови увидел небольшую дырочку. Перевернул труп — весь затылок был разворочен.

«Вот оно что! Убит-то из винтовки или пистолета! Пуля прошла навылет... Значит, вряд ли убили в поезде. Скорее, привезли сюда и положили на рельсы...»

Он выпрямился, прошел вдоль полотна железной дороги, туда, откуда, по заключению оперативников, притащило труп поездом. Спустился с насыпи на одну сторону, походил, внимательно приглядываясь к снежному покрову. Ничего. Тогда он поднялся на полотно, спустился на другую сторону насыпи, снова начал ходить по снегу.

Есть! След санок... Куда он ведет?

След оборвался у дороги, которая вела на птицефабрику. Трояновский с оперативниками прошел туда. Спросил у вахтера:

— Кто живет на фабрике?

— Директор, Никанор Степанович Стецко.

— Где?

Вахтер указал.

В доме была только женщина, жена Стецко.

— Где муж?

Она вздрогнула, увидев погоны Трояновского, тихо ответила:

— В командировке... В Курск по делам уехал...

— Когда?

— Утром...

— А что у вас там? — кивнул Трояновский на закрытую дверь другой комнаты.

— Спальня.

Он прошел туда, женщина — следом. Внимательно огляделся. В комнате совсем недавно мыли полы. Возле кровати — особенно тщательно. Видимо, даже ножом скребли... Он выпрямился, в упор посмотрел на женщину. Она стояла бледная, кусала губы.

— Где оружие?

— Ка... Какое... оружие?

— Не прикидывайтесь! Труп на рельсы одна положила, или кто помогал?

Она задрожала.

— Ну быстрее! Где оружие?!

— В коридоре... За сундуком... — еле слышно прошептала она.

За сундуком нашли обрез от винтовки. Трояновский глянул в ствол: копоть. Понюхал — пахло кислым, выстрел был сделан недавно, всего несколько часов тому назад.

Женщину арестовали, а вскоре из Курска привезли и ее мужа. Он вошел в кабинет Трояновского спокойно, сразу же начал:

— Поверьте, сам хотел прийти к вам... В Курске все время думал об этом...

— Вы садитесь...

Тот сел на стул напротив Трояновского, снова заговорил:

— Сам не знаю, как так получилось... Люблю я ее, Машу, а тут... Мы ведь только год как поженились. У нее муж погиб на фронте, в оккупации сгинула моя семья. Когда меня назначили директором птицефабрики, познакомился с ней. Сначала просто понравилась, а потом понял: не могу без нее. Когда предложил выйти за меня замуж, она согласилась.

Жили мы хорошо. Не ссорились. И вдруг мне говорят: во время моих поездок в Курск — а бывают они часто — ходит какой-то к ней. Я решил проверить. Сказал, что уезжаю, а сам ушел к приятелю, просидел у него до двенадцати ночи, потом пошел домой. Дверь открыл своим ключом. Включил свет в коридоре — на вешалке офицерская шинель без погон. Все закипело во мне. Не помню, как в руке этот обрез оказался...

— Откуда он у вас?

Стецко пожал плечами. Действительно, в то время в поле можно было найти не только обрез, но и пистолет любого образца, от маленького «вальтера» до «маузера».

— Продолжайте.

— Она спрятала его под кровать. А одежда — на стуле... Вытянул я его оттуда за ноги и....

Женщина подтвердила показания мужа. Действительно, она встречалась в его отсутствие с другим, убитым. Знакомы они были давно, года три, но тот был женат, имел двоих детей, и потому они не могли пожениться: детей своих покойный любил, оставить их не соглашался ни за что. Вот и встречались.

— Зачем же тогда за Стецко-то замуж пошли?

Женщина вскинула на него глаза. В них был страх.

— Боюсь я его, боюсь!

Интересно.

После ее ухода Трояновский придвинул к себе документы Стецко, принялся их изучать. Можно было бы и сдать дело, убийство доказано, убийца ничего не отрицает, но что-то не давало покоя Трояновскому, казалось ему, что не все здесь так просто.

Особое внимание уделил Григорий Абрамович паспорту. И показалось ему, что с фамилией и именем не все ладно. Фамилия вроде бы была длиннее, а имя... Словно и то, и другое было искусно подчищено. Он сдал паспорт на экспертизу. Ответ был короток: подчистка. Буквы **Сте...** не тронуты, а вместо букв **...цко** были другие, кроме них были еще три-четыре буквы. Словом, фамилия начиналась так же, но была длиннее.

Началась работа по ориентировкам: нет ли там похожей фамилии?

Министерство государственной безопасности Украины разыскивало некоего Николая Степановича Степаненко. Бывший начальник полиции одного из населенных пунктов республики, во время оккупации он зверски убил не одного подпольщика, лично расстреливал неугодных ему, ни в чем не повинных людей. С фотографии на Трояновского смотрел... Стецко!

Так вот почему он признался так легко! Боялся, что раскопают прежние грехи! За убийство на почве ревности ему могли дать десять-пятнадцать лет. Конечно, немало, но все же не расстрел.

— Что же еще-то? Все ведь рассказал... — удивленно смотрел на Трояновского «Стецко», вызванный на допрос.

— Не все, Степаненко, далеко не все!

Преступник изменился в лице.

— Раскопали-таки, гады!

Степаненко вместе с делом был этапирован в Киев в распоряжение МГБ Украины. Там и получил по заслугам.

Дело восьмое: «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК»

Григорий Абрамович только что закончил дело в Брянске, собирался домой, в Калугу, когда позвонил начальник управления полковник Чувпыло:

— Срочно выезжай на станцию Фаянсовая. Там в двенадцать часов дня застрелен в своем кабинете наш работник, оперуполномоченный Петров.

И он выехал.

Комната была небольшой. Перед дверью — барьерчик, за ним — стол, у дальней стены — топчан: работникам милиции и МГБ нередко случалось и ночевать на своем рабочем месте.

Трояновский внимательно осмотрел стол, перешел к стене. Заметил небольшую дырочку, осторожно колупнул ножом, и на ладонь выкатилась сплющенная пуля. Сразу узнал — от ТТ. Значит, убийца вооружен хорошим оружием, при задержании нужно будет учесть, не подвергать людей напрасному риску.

Осмотр стен больше ничего не дал. Стол лейтенанта тоже не обнаружил ничего, заслуживающего внимания. Подошла очередь топчана. Гладкая клеенка, которой он был обит, не сохранила никаких следов. Трояновский нагнулся, заглянул под топчан, опустился на колени, протянул руку к белевшему в уголочке листку бумаги. Это оказалось временное удостоверение, выданное отделением милиции города Барановичи некоему Юрчику. Удостоверение было залито кровью, но Трояновский все же заметил, что подчищена и исправлена дата выдачи, изменен срок действия удостоверения (их в то время выдавали вместо паспортов на три и шесть месяцев).

Григорий Абрамович приступил к допросу свидетелей. Первой была буфетчица Антонина Капитоновна. Она рассказала:

— Часов в одиннадцать — в половине двенадцатого вошел в буфет этот. В железнодорожной форме, небольшого роста, на голове — форменная кубанка. Сел за стол, заказал графинчик водки, поесть. Расплатился сполна. Сдачу — мелочь — не взял. Выпил, поел, потом подошел ко мне, стал расспрашивать, как проехать в Калугу да где находится управление железной дороги. Мне это странным показалось: железнодорожник, да еще на погонах — звезда, и не знает, где его управление. Потом попросил пива, снова сел за столик, а я пошла к Петрову, рассказала ему о госте. Петров прошел в буфет, пригласил его к себе в кабинет. Больше я ничего не знаю.

Но Петров вошел в кабинет не вдвоем с неизвестным, он пригласил с собой дежурную по залу железнодорожного вокзала

Валентину Иванюк. Первым шел Петров, следом — неизвестный, затем — Иванюк.

Оперуполномоченный зашел за барьерчик, потребовал от незнакомца документы. Тот протянул ему удостоверение, начал с места в карьер:

— Что ты меня, старший лейтенант, компрометируешь?! Ты же видишь — не рядовой я железнодорожник, а допрос учиняешь при младшей по чину!

— Выйди, Валя... — попросил Петров, и женщина вышла из кабинета, пошла по залу. Минуты через две раздался выстрел. Она бросилась обратно, но застала в кабинете только одного Петрова. Он был еще жив, лежал на топчане с залитым кровью лицом и хрипел. Умер старший лейтенант через несколько минут не приходя в сознание.

Это было все, что удалось узнать Трояновскому. Куда направился убийца? Каким поездом? И кто он такой, его ли это удостоверение? Неизвестно. И все же Григорий Абрамович дал команду отмыть спиртом окровавленную фотографию, размножить ее. А сам принялся изучать расписание поездов. Только что ушел поезд Калуга — Барановичи. Скорее всего, преступник уехал именно этим поездом. Григорий Абрамович связался с Сухиничами, приказал старшему оперуполномоченному Алексею Зинькову:

— Обязательно пройди по поезду, Алеша. Искать нужно человека небольшого роста в железнодорожной форме, со звездой на погонах... Будь осторожен, преступник вооружен пистолетом ТТ. А мы скоро подъедем.

На служебной дрезине Трояновский успел в Сухиничи раньше поезда. Вместе с Зиньковым пошли по вагонам, стали расспрашивать проводников, показывали им фотографию.

— Кажись, он... — неуверенно произнес проводник третьего вагона. — У меня в служебном купе едет. Как только сел в Фаянсовой, сразу же потребовал себе отдельное купе. Ну, я освободил ему служебное...

Нужно было брать преступника, но как это сделать, чтобы он не открыл стрельбу? Переборки вагонных купе — не бронированные стенки, пуля легко пройдет сквозь них, могут пострадать ни в чем не повинные люди. И Трояновский решил рискнуть.

— Ведите нас в это купе... — он усмехнулся. — Мы ведь тоже — железнодорожники... — (Работники управления охраны МГБ на транспорте носили железнодорожную форму).

Он встретил их у порога купе. Правая рука — в боковом кармане кителя. Ясно — держит там пистолет.

— Вы куда, товарищи? Здесь занято!

«Только не дать ему заподозрить что-либо, не пустить вперед Алексея: молодой, горячий, может выдать себя!» — подумал Трояновский и с улыбкой шагнул вперед:

— Бросьте, свои же люди, железнодорожники! Нам и ехать-то всего один перегон. Как-нибудь поместимся... — а сам шел на преступника, загораживая собой стоящих сзади. Слегка отодвинул его плечом, словно освобождая себе место у окна, тут же перехватил его руку, крепко прижал к груди. Громыхнул выстрел, пуля пробила пол, и в ту же секунду Зиньков скрутил преступника, вырвал у него из кармана пистолет ТТ, посетовал:

— Эх, минут бы на двадцать его мне в руки! Ей-богу, никогда бы больше не взялся за оружие, боялся бы его, как черт ладана!

Алексей Зиньков роста был двухметрового, легко гнул пальцами не только пятаки, но и полтинники.

— Ничего, Алеша, он свое получит... — заверил его Трояновский.

Задержанный оказался дезертиром, на фронт попал из колонии, раньше имел три судимости. После дезертирства занимался грабежами, был на нелегальном положении, но помог случай: задержали в Барановичах за драку, дали пять месяцев. Отсидел положенное и получил справку об освобождении, по которой и было выписано временное удостоверение.

Суд приговорил Юрчика к высшей мере наказания — расстрелу.

Дело девятое: ДВОЙНОЕ

Порожняк под сахар для сахарного завода пришел на станцию Теткино поздней ночью. Когда утром железнодорожники стали осматривать вагоны, то обратили внимание на то, что один из них распломбирован и дверь его приоткрыта. Доложили дежурной по станции.

— Безобразие! — возмутилась она. — Вагон под пищевые продукты — и такая небрежность! Пойдемте, посмотрим, что там.

Женщина влезла в вагон в темноте, но через несколько секунд снова появилась в дверном проеме, бледная, с трясущимися руками.

— Там... там... Человек... убитый...

Сообщили в линейный отдел на станцию Ворожба, оттуда приехал заместитель начальника линейного отдела капитан Чирков. Он глянул мельком на труп в нижнем белье, с залитым кровью лицом, приказал:

— Отправьте в Ворожбу в морг как неопознанный... — И уехал.

... — Что это такое, товарищ начальник! Двое суток нет вашего подчиненного, а вам и дела нет!

— Работа у нас такая... Вы ведь не первый год замужем, знаете...

Женщина, жена старшего оперуполномоченного капитана Аторина, бессильно опустилась на стул.

— Понимаете, все эти дни просто места себе не нахожу! Словно случилось с Михаилом что-то... Может, правда? Так вы не скрывайте, скажите.

— Да нет, ничего не случилось. Аторин выехал по делу. Правда, обещал вернуться еще вчера, но мало ли какие дела могли задержать его! — успокаивал ее начальник отдела.

— А за это время у вас происшествий не было?

— Ну, такое у нас редко бывает, чтобы совсем без происшествий. Сегодня вот ночью на станции Теткино нашли труп, так туда выезжал мой заместитель, опознал бы Михаила, если что.

Женщина побледнела.

— Где он?

— Труп-то? Где же ему еще быть? В морге...

Она позвонила через полчаса: убитым оказался именно Аторин. Тут же начальник линейного отдела позвонил в Калугу, в управление. Заместитель начальника управления полковник

Топильский приказал:

— Немедленно отцепить и запломбировать вагон. Выезжаем с Трояновским.

Они выехали в служебном вагоне, ставшим им на трое суток и штабом, и квартирой.

В Ворожбе Топильский сказал Трояновскому:

— Давай, Гриша, действуй! Сам понимаешь, должны мы найти этого гада! Должны отомстить за смерть товарища!

Расследование, которое провел капитан Чирков, было произведено небрежно, не удосужились даже спросить бригаду, которая привела состав. У Топильского задергалось веко — след контузии еще в гражданскую, когда был он комиссаром в одном из полков у Буденного, он раздраженно бросил:

— Черт знает, что! Не опознает своего же сотрудника и так ведет расследование! Я отстраняю вас, Чирков, от работы! Вопрос о вас будет поставлен жестко. Хорошего для себя не ждите! — и кивнул Трояновскому, чтобы тот продолжал.

— Бригаду найти и доставить сюда, на станцию Ворожба. Мы пока выезжаем в Теткино.

На этот раз у вагона даже охрану поставили. Григорий Абрамович раздвинул во всю ширь двери, чтобы внутри было светлее, вошел в вагон. В левом дальнем углу он подобрал бобину с намотанными на нее белыми нитками. Такими бобинами пользуются на ткацких фабриках. Из стойки вагона извлек пулю от нагана.

«Откуда бобина? У нас здесь нет ткацких фабрик... Приезжий, издалека?» — думал Трояновский.

Больше осмотр вагона ничего не дал, и они вернулись в Ворожбу. Начальник линейного отдела сообщил:

— Только что звонили из районного отделения милиции, к ним обратился приезжий инженер из Москвы. Ограбили его в ту ночь, не доезжая до станции Теткино. Я просил направить потерпевшего сюда.

Им оказался инженер с московского автозавода. Ехал в отпуск в поезде, который шел через Сухиничи на Харьков. Сойти должен был не доезжая станции Теткино, на небольшом полустанке, рядом с которым находилась родная деревня. Он приготовился, вышел с вещами в тамбур: поезд на полустанке стоял всего одну минуту.

Из соседнего вагона в тамбур к нему прошел мужчина в военной шинели без погон.

— Закурить не найдется?

Инженер подал пачку «Казбека», тот закурил, поблагодарил и ушел обратно.

Не успели огни поезда скрыться вдали, как к спине идущего по перрону инженера приставили ствол револьвера, скомандовали:

— Тихо! Ложись лицом вниз!

Он лег.

Отобрали чемоданы, сняли кожаное пальто, на прощанье наказали:

— Лежать полчаса! Встанешь — получишь пулю.

И ушли.

— Сколько их было?

— Передо мной — один. Маленький такой, на голове — белая заячья шапка. И еще, когда снимали пальто, вроде бы мелькнула перед глазами пола шинели...

— Что было в чемоданах?

— Отцу вез костюм, матери — пуховый платок и... — он замолчал.

— Ну, что же вы?

— Да не знаю, стоит ли говорить?..

— Перечислите все. Любая маленькая, пусть совсем бесценная вещь может навести нас на след преступников.

— Видите ли, в Москве, на ткацкой фабрике работает моя сестра. Она послала матери со мной несколько бобин с нитками... Сами понимаете, трудно сейчас с этим... — извиняющимся тоном сказал инженер.

Трояновский согласно кивнул: с нитками, мылом все еще было трудно, промышленность только еще восстанавливалась.

Оставив заявление с описью украденных вещей, инженер ушел. Трояновскому доложили, что прибыла бригада, которая вела состав до станции Теткино. Поездной вагонный мастер рассказала:

— Не доезжая четыре остановки до Теткино, мы ждали у здания вокзала главного кондуктора. Видим, под вагонами ноги, идут несколько человек. На тормозную площадку влез, однако, один, одетый в телогрейку и белую заячью шапку, с полным рюкзаком за плечами.

— Довезите до Иванихи!

Старший кондуктор отрицательно мотнул головой:

— Нельзя! Вагоны под пищевые продукты.

— Да всего один перегон!

— Все равно нельзя!

Он ушел, в это время вышел главный кондуктор, мы сели в поезд и поехали.

— Ну, что думаешь, Гриша? — Топильский смотрел на Григория Абрамовича с интересом.

— Думаю, что это одна и та же компания. И убийство Аторина — тоже их рук дело.

— Почему?

— Слишком уж много совпадений. И вооружены, и в том же поезде, судя по всему, приехали.

— Так ведь не взяли же их в поезд!

— Что для таких разрешение или запрет кондуктора? Открыли незаметно дверь вагона и спрятались. А в Иванихе сошли.

— Выходит, теперь туда, в Иваниху?

— Конечно!

На станции Иваниха Григорий Абрамович осторожно спрашивал железнодорожников, кто здесь ходит в телогрейке и белой заячьей шапке. Одна женщина воскликнула:

— Так это Алешка Силин!

Указала Трояновскому, где живут Силины. Дома оказалась только девочка лет пятнадцати. Алексея Силина вчера через военкомат мобилизовали на работу в Донбасс, на шахты. Услышав о том, что ее сына разыскивает милиция, пришла мать Алексея.

— Должен быть в военкомате на станции Льгов. Их там целый эшелон для шахт набирают, — сообщила она и, вздохнув, продолжила: — Может, оно и лучше, что на шахты поедет. Очень уж мне его новые друзья не понравились.

— Это какие?

— Да третьего дня ночевали. Один в такой коротенькой курточке, другой высокий, в офицерской шинели. Пришли ночью. Постелила им на полу, так этот, в шинели-то, что-то под подушку сунул.

В квартире Силиных в присутствии понятых предприняли обыск, Григорий Абрамович вышел во двор, прошелся по нему. Где же вещи? Должно ведь что-то причитаться было и Силину. И спрятать он мог только здесь, дома.

Не было ничего ни в квартире, ни во дворе. Трояновский заглянул в небольшой яблоневый сад с шалашом, крытым соломой. В шалаше было пусто. Зато заметил Трояновский под одной из яблонь свежевскопанную землю.

— Когда под яблоньками землю рыхлили? — спросил он хозяйку.

— Да некогда было нам нынче этим заниматься. Собираюсь только...

— Ройте здесь! — приказал Трояновский.

Из неглубокой ямы извлекли чемодан. В нем — полуботинки и брюки, принадлежащие, как потом оказалось, убитому Аторину,

несколько бобин с нитками. Тут же отрядили во Льгов оперативников, позвонили военкому, чтобы задержал отправку Силина.

Силиных оказалось двое, и оба — Алексеи. Второй, однофамилец преступника, пожаловался Трояновскому.

— Товарищ начальник! Он мне всю дорогу пытался что-то в карман сунуть!

У Алешки нашли серебряный портсигар. Начальник линейного отдела, как только увидел его, побелел:

— Аторинский... Награда ему еще с фронта... Ах ты, гад!

...С раннего детства Алешка был нечист на руку. Били его неоднократно, да толку от битья было мало. Правда, воровал все по мелочам, то в карман залезет, то курицу у соседки умыкнет. За это и попал в колонию.

Отсидел год, вышел на волю. Нужно было чем-то кормиться, жизнь в колонии пришлась ему не по нраву, и Алешка принялся искать работу. Но знали в окрестностях Силина как облупленного, и, конечно, никто не пылал желанием заполучить себе такого работника. И Алешка болтался без дела.

Месяц назад познакомился он с Костей Кудряшом, а тот свел его к третьему. Звали они его Витьком. Безденежьем Витек не страдал, щедро делился водкой и едой со своими новыми приятелями, не раз приговаривал:

— Да Витек для корешей, знаешь! Держись, урки, Витьк***а*** — не прогадаете!

Однажды он заявил:

— Все, шпана, кончились наши тугрики! — завернул полу офицерской шинели, которую носил, вывернул наизнанку пустые карманы брюк. — На дело пора идти, шпана!

Алешка похолодел. Витек заметил это, дружески хлопнул по плечу:

— Не робей, Леха! Не хочешь — не ходи, я не в претензии. Жаль, конечно, но Витек никогда не прижимал своих корешей! Раз уж боишься — проку с тебя будет мало.

Этого Алешка уже не мог вынести, захорохорился:

— Да ты чо это, Витька?! Рази ж я отказываюсь?! Не, не такой Алешка Силин, чтобы корешков в беде бросать! Куда вы — туда и я!

Витек радостно полуобнял его за плечи, обернулся к Кудряшу:

— Во, видал! Вот это друг! — И Алешке: — Я знал, что ты настоящий мужик! Сильный, с характером!

Он предложил им сесть в поезд, «увести» у какого-нибудь

разини вещичек, а потом «толкнуть» их на барахолке.

Они проехали всего один перегон, когда Витек, выходивший в соседний тамбур якобы закурить, шепнул при возвращении:

— Есть фраер! При нем два таких «угла» — закачаешься!

Они пошли следом за человеком в кожаном пальто с двумя чемоданами в руках. Потом Алешка по приказу Витьки забежал вперед, пошел навстречу человеку и тут впервые увидел у Витьки наган. Тот приставил ствол нагана к спине жертвы, приказал ложиться. Человек лег...

Конечно, они не послушались главного кондуктора, влезли в вагон для сахара: нужно было поскорей сматываться. Вещи сложили в дальнем углу. Но только поезд пошел, как в полуоткрытую дверь влез еще один. Оглядел компанию, скосил глаз в угол, где лежали вещи, и решительно двинулся туда. Витек выстрелил сзади, в затылок. Они раздели убитого, вытащили у него из карманов пистолет «Вальтер», документы, серебряный портсигар. Удостоверение изорвали и выбросили, пистолет Витек взял себе....

Кудряша нашли по указанному Алешкой адресу, но тот не знал, где живет главарь: встречались обычно в условленном месте или просто на рынке. Ниточка оборвалась.

Не дать преступнику уйти — теперь это была главная задача Трояновского. И он сумел так организовать блокаду района, что не осталось ни одной, самой малой щелочки, куда бы мог проскользнуть преступник.

Витек метался по оцепленному району затравленным волком. Ночевал, где придется. Кончились деньги, и он голодал. Конечно, ограбить кого-нибудь для него не составило бы большого труда, но это значило поставить милицию на свой след. И он бессильно скрипел зубами.

Деньги, деньги! Твердо верил: будь у него приличная сумма денег, он смог бы затаиться на время, переждать, когда «лягавые»» снимут блокаду, и уйти. И решил рискнуть: продать коричневое кожаное пальто. Он вышел с ним на пристанционный рынок хутора Михайловского. Пальто сразу привлекло внимание. К нему приценился один, потом другой. Цена их не устроила, и они пошли прочь. Витек хотел было уже вернуть кого-нибудь из них, сбавить цену, но тут к нему подошел человек в гражданском, спросил:

— Сколько?

Витек назвал цену, человек полез во внутренний карман. Пока они разговаривали, к ним приблизился еще один, и Витек почуял опасность. Он тоже сунул руку в карман, сжал рукоятку пистолета. Но человек достал толстую пачку денег, протянул

Витьку:

— Считай.

Тот вынул руку из кармана, взял деньги, склонился над ними и тут услышал:

— Руки в гору, гад!

И у покупателя, и у того, что приближался, в руках блестели браунинги. Он бросился было в сторону, но споткнулся о подставленную ногу, упал. Тут же на него навалились.

Преступником оказался матерый рецидивист Виталий Смольников, которого уже несколько месяцев разыскивала милиция города Брянска за ряд вооруженных ограблений.

Дело десятое: ПОСЛЕДНЕЕ

В 1951 году Григорий Абрамович вернулся в родной Иркутск заместителем начальника управления охраны ВСЖД уже в звании подполковника. За работу в западных районах страны он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени, а за успешное ведение особо важных дел — именными золотыми часами.

В этой должности он прослужил до 1959 года. Стало сдавать здоровье. Врачи настоятельно советовали уйти в отставку, тем более, что и по возрасту, и по выслуге лет Трояновский имел на это полное право.

Спустя месяц после его ухода на пенсию позвонил на квартиру Трояновского начальник управления транспортной милиции полковник Глазунов.

— Беда у нас, Григории Абрамович. Под Нижнеудинском убили девушку со слюдяной фабрики, а раскрыть преступление не можем. Не поможете?

Сколько было этих дел у Трояновского! Пожалуй, и не сочтешь. А разве это легко — рыться в грязи преступных отношений, заглядывать в самые темные уголки души?! Каждое раскрытое преступление оставляло след на его сердце. Вот откуда перенесенные инфаркты. И сейчас чувствует себя не очень хорошо: часто болит сердце. А тут опять...

Никита Ефимович Глазунов понял молчание Трояновского, заговорил снова:

— Понимаешь, Григорий Абрамович, больно девушка была хорошая: комсомолка, прекрасная работница. Ехала на свадьбу к брату — путевому обходчику на перегоне Шиберта — блокпост Варяг, и вот... Не доехала...

И Трояновский согласился.

Мария Антонова выехала из Нижнеудинска на рабочем поезде. Дом ее брата стоял в полутора километрах от блокпоста Варяг, там ждали Машу, видели, как она махала им рукой из тамбура вагона. Прошел поезд, минули полчаса, час — Маши не было. Тогда родные решили идти на блокпост, где работала стрелочницей их старшая сестра. Может, Маша зашла к ней?

— Видела я Марию. Сказала, что идет к вам. Меня звала, да я же на дежурстве. Сказала ей, что приду, как только освобожусь.

Может, разминулись дорогой, и Мария уже ждет дома? Антоновы пошли обратно.

Следы на откосе железнодорожной насыпи заметил младший братишка, Илюшка. Спустились по ним и на затоптанной траве увидели кровь.

— Господи, неужели?!.. — воскликнула молодая жена Антонова. Принялись искать. За деревом нашли М*а*шину хозяйственную сумку, в ней лежал ее подарок молодоженам — отрез тюли. Тело отыскали в кустах, под кучей ветвей. Вся шея была истыкана ножом.

Работники милиции не нашли никаких следов преступника, экспертиза установила только примерную ширину лезвия ножа, которым была убита Антонова. Но где этот нож, у кого его искать?

Григорий Абрамович вместе с начальником линейного отделения милиции станции Нижнеудинск Аркадием Петровичем Зюбиным долго ходили по кустам. «Не может быть, чтобы ничего не осталось!» — думал Трояновский и продолжал поиски.

Скомканную газету «Комсомольская правда» он отыскал в зарослях шиповника. Развернул — следы крови, похоже, вытирали об нее нож. Выходит, у Марии в сумке еще что-то было, не только тюль? Завернутое в эту газету? Вряд ли нес ее с собой преступник... Но что? Может, это навело бы на след?

— В Нижнеудинск на слюдяную фабрику не ездили? Не интересовались связями Антоновой? — спросил Трояновский Зюбина.

— Н-нет...

— Тогда поехали.

Мария жила в общежитии с двумя подругами. Девушки рассказали:

— Так она же деньги с собой брала! Тысячу рублей. Ей сестра обещала костюм достать.

— Я их видела! Сверху сотенные были. И завернула их она в газету, мы на троих «Комсомольскую правду» выписываем.

Теперь нужно было установить, кто же находился в это время в окрестностях места происшествия. Лучше всего об этом мог рассказать путевой обходчик. Он почти весь день ходит по своему участку, многое мог заметить.

Обходчик задумался.

— Значит, девушку видел... С сумкой хозяйственной шла. Кого же еще? Вот видел же кого-то! Ничего, сейчас вспомню.

Он стал вслух перечислять всех своих знакомых, в надежде, что звук фамилии напомнит ему, кого же он заметил неподалеку от того страшного места.

Фамилия следовала за фамилией, наконец, обходчик воскликнул:

— Есть, вспомнил! Васильева видел, сторожа железнодорожного переезда. Шел по березняку и все что-то наклонялся... и вечером, во время следующего обхода, его видел

там же...

— Что он за человек, Васильев?

— А-а, — обходчик безнадежно махнул рукой, — пьяница несусветный. От него жена-то из-за этого ушла. Живет вместе с больной матерью и двенадцатилетней дочкой. Чем девчонку кормит — ума не приложу: деньги все пропивает. В доме, кроме клопов, ничего нет... А как выпьет — дурак дураком делается. На станции Шиберта есть у него приятель — Никулин, частенько они вместе загуливают. Так вот, Васильев недавно напился и ни с того, ни с сего схватил с комода никулинские карманные часы «Молния» и хряпнул их об пол. Обещал, правда, отдать ему деньги за них, да где же он их возьмет?!

На служебной дрезине Трояновский проехал в Шиберту, нашел Никулина.

— Верно, разбил Гришка часы. Так он же вчера мне деньги за них отдал! 150 рублей. Сотенная бумажка, и пять десятирублевок...

Трояновский вместе с Зюбиным приехали к сторожке Васильева. Тот лежал на топчане, покрытом каким-то старым тряпьем, и храпел. От него несло перегаром. На столе самодельный нож. Трояновский прикинул ширину лезвия — подходит под данные экспертизы. Между рукояткой и лезвием что-то темное. Такие же темные пятна он обнаружил и на телогрейке Васильева, висевшей на гвозде.

Экспертиза показала, что и на ноже, и на телогрейке — человеческая кровь четвертой группы, то есть той самой, какая была у Антоновой.

На допросе Васильев запирался:

— Ничего не знаю, никого не убивал, денег никаких у меня нет. Нож сделал сам. А кровь — моя. Ходил за черемшой, да был с похмелья, когда нагнулся — пошла из носа. И на нож попала, и на телогрейку.

— У вас, Васильев, кровь первой группы, а на ноже и на телогрейке — четвертой. Вот показания людей: Никулина, которому вы отдали 150 рублей, путевого обходчика, дважды видевшего вас на месте преступления, заключение экспертизы о ширине лезвия ножа, которым убита была Антонова. Как видите, деваться вам некуда.

Васильев опустил голову и хрипло заговорил.

Мария шла по путям, помахивая сумкой. Ярко светило солнце, ее ждали родные, на работе все было хорошо, и от всего этого она радостно улыбалась. И когда услышала за собой быстрые шаги, обернулась с улыбкой. Ее догонял мужчина в

телогрейке. Он поравнялся с девушкой, взял за локоть.

— Что по путям ходишь? А если поезд?

— Услышу, отойду. Да мне и идти-то недалеко... — ответила она, стараясь высвободить руку. Мужчина не отпускал ее, все тянул к краю насыпи.

— Отпустите! Что вы... Что вам надо?!

— Ишь, какая красотка! Я люблю красивых девушек. Вот поцелуешь — отпущу...

Он стянул ее с насыпи вниз, полез обниматься. Мария сопротивлялась, отталкивала, но он держал ее крепко, дышал водочным перегаром. Она отстранялась от его лица, но он все же сумел пригнуть ее голову, впился в ее губы сухими потрескавшимися губами. Мария взмахнула сумкой, ударила его по голове.

— Ах, вот ты как!

С ужасом девушка увидела, как правая рука незнакомца скользнула к голенищу сапога, вытянула оттуда самодельный нож.

— Что вы, дяденька?! — воскликнула она. — От-пу-сти-те-е!!

Васильев взмахнул ножом, ударил ее в шею раз, другой, третий... Когда очнулся, увидел окровавленное тело, свои руки в крови, нож и испугался. Лихорадочно огляделся, потащил убитую в кусты. С ноги слетел туфель. Он подобрал его, забросил подальше, снова потащил тело. В зарослях кустарника забросал убитую ветвями, вынул из сумки газету, чтобы вытереть нож, оттуда вывалились деньги. Васильев отер руки о траву, спрятал деньги в карман, не считая, стал вытирать нож газетой, потом скомкал газетный лист, выбросил подальше. Еще раз огляделся. Вдалеке на насыпи показался путевой обходчик.

«Увидит!» — ужаснулся Васильев и быстрыми шагами пошел прочь.

Возле березовой рощи остановился передохнуть, снова нагнулся, еще раз обтер руки о траву.

Денег оказалось тысяча рублей. Он обрадовался: «Рассчитаюсь с Никулиным! И еще сколько останется!» Тут же вспомнил: на руке девушки были часы. «Вот дурак, снять нужно было! Ну да ничего, схожу вечером, когда начнет темнеть».

Он пробирался к кустам осторожно, стараясь никому не попасться на глаза. И снова наткнулся на путевого обходчика. «Черт! Шляется тут, понимаешь... Дома ему не сидится!» — выругался Васильев и свернул в сторону. Когда обходчик скрылся из виду, он бросился к кустам.

От страха у него волосы на голове зашевелились: тела не было. «Неужели живая?! Все ведь расскажет, все!!»

Все эти дни, пока шло следствие, пока искали, кто убил девушку, он пил. Беспробудно. Стоило только немного потрезветь, как его начинали мучить кошмары. То слышался ее жалобный голос: «Дяденька, отпустите!» — то ему казалось, что к дому подъезжает милицейская машина. Он хватался за бутылку.

Когда, наконец, за ним пришли, он принял это спокойно: «Все равно один конец!»

Суд приговорил Васильева к высшей мере наказания.